

МОЯ ЛЮБИМАЯ СТЕРВА

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова

Моя любимая стерва

Серия «Авантюрный детектив»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123003
Моя любимая стерва: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-17557-4*

Аннотация

Анна – взбалмошная жена «нового русского», пресытившись богатой, но скучной жизнью, решила доказать и мужу, и себе, что прекрасно проживет и сама. Так уж получилось, что квартира, которую она сняла, выходила окнами на тюрьму. Это и стало причиной крутых перемен в судьбе Анны. Она оказалась в самом центре головокружительных событий. И, похоже, конца им не предвидится...

Содержание

Татьяна Полякова

4

Конец ознакомительного фрагмента.

79

Татьяна Полякова

Моя любимая стерва

Я набрала в грудь воздуха, сделала шаг навстречу женщине и, стараясь не заикаться, скороговоркой выпалила:

– Простите, можно с вами поговорить?

Женщина нахмурилась, инстинктивно отступила на шаг, но, задержавшись взглядом на моем лице, сделала попытку улыбнуться и спросила:

– Что у вас случилось?

Вот те раз, что у меня случилось, в самом деле? Я поморгала, забыв прикрыть рот, и попыталась вспомнить, что надо говорить дальше. Безрезультатно. В голове вертелась разная чепуха – и настойчивее всех реклама колготок «Нашу любовь не разорвать». Я продолжала таращить глаза, а женщина нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, в конце концов не выдержала и ткнула пальцем в значок на моей груди. Значок был большой, круглый, с огромными буквами «Хочешь похудеть? Спроси у меня»...

– Гербалайф? – обрадовалась она.

– Ага, – еще больше обрадовалась я и так воодушевилась, что смогла разжать челюсти, правда, произнести что-нибудь путное не успела.

– Да он мне даром не нужен, – сказала женщина. – Подруга

такие деньги выкинула – и что?

– Что? – проблеяла я, радуясь возможности вставить слово.

– Ничего. Вот ничегошеньки. А как мучилась: картошку нельзя, пироги нельзя... после четырех только коктейль из этой дряни, да если себя голодом морить, и без гербалайфа похудеешь.

– Вы не совсем правы, – жалобно пропищала я. – Он выводит из организма шлаки... – Что еще такого делает гербалайф, я вспомнить не могла и вздохнула: от жалости к себе и к гербалайфу, конечно, тоже.

– Ерунда, – отмахнулась женщина. – Есть прекрасные народные средства. Травы надо пить. Очень полезно, и ни копейки не стоит... У меня здесь записано... – Она полезла в сумку, а я, чуть не плача, ждала и ругала себя на чем свет стоит. Надо же быть такой душой, все из моей головы разом вылетело...

Женщина между тем извлекла записную книжку толщиной с Библию и сурово огляделась. Неподалеку было уличное кафе, заметив его, она заявила:

– Идемте туда, – и гордо зашагала в направлении разноцветных зонтиков. Я поплелась следом, не зная, чего мне больше хочется: зареветь в голос или потихоньку удрать. «Идиотка несчастная, – мысленно шипела я. – Сейчас же возьми инициативу в свои руки и убеди эту женщину, что гербалайф...» Тут начинались проблемы, я совершенно ни-

чего, ну ничегошеньки не помнила об этом чертовом гербалайфе.

Мы достигли первого стола, женщина плюхнулась на пластмассовый стул, он издал подозрительный звук, а я замерла, но ничего не случилось. Поэтому я тоже устроилась за столом и с полчаса слушала женщину, время от времени открывая рот и произнося:

– Да... э-э-э... ага...

За полчаса я смогла получить четырнадцать рецептов, написанных весьма неразборчивым почерком, массу полезных советов и номер телефона собеседницы вкупе с предложением «в случае чего, звонить не стесняюсь». «В случае чего именно», я так и не поняла, но ее это, по-моему, не волновало.

Тут взгляд ее остановился на моей блузке, и она спросила:

– Это откуда?

– Из Парижа, – растерялась я.

– Дорогая?

– Как вам сказать...

– Вижу, что дорогая. У меня глаз наметанный. Сами ездили или привез кто?

– Сама, – пискнула я, начиная стыдиться.

– Это бриллианты? – Палец с ярко-красным ногтем нацелился в мое ухо. Я испугалась и поспешно кивнула. Женщина внимательно оглядела меня и заявила: – Чего вы мне голову морочите?

– Я? – пугаясь все больше и больше, пролепетала я.

– Конечно. Ведь вы распространяете гербалайф?

– Да.

– Глупость какая...

– Почему же глупость? – Я вдруг обиделась и даже разозлилась.

– Потому... – отрезала женщина, поднялась и зашагала прочь.

Я тяжело вздохнула, убрала рецепты в сумку и позвала официанта. Съела два пирожных, двойную порцию мороженого с шоколадом, покосилась на свой значок и вновь тяжело вздохнула: «Ни на что я не гожусь», – и совсем было собралась всплакнуть, но тут рядом со мной появился парень, сел напротив, широко улыбнулся и сказал:

– Привет.

– Привет, – ответила я, вглядываясь в его лицо. – Мы знакомы? – поинтересовалась на всякий случай.

– Еще нет, – развеселился он.

– Тогда займите другой столик, свободных мест более чем достаточно.

Парень скорчил забавную физиономию и ткнул пальцем в значок.

– Я спрашиваю, – заявил он, а я поморщилась и мысленно показала ему язык.

– Вы хотите похудеть? – спросила я.

– Конечно.

– Не морочьте мне голову, – совсем как женщина несколько минут назад, заявила я и отвернулась.

– Правда хочу. Очистить организм и все такое. А телефон у вас есть? Меня Сашей зовут, а вас?

Я извлекла из сумки визитку, сунула парню и, пробормотав: «Худейте на здоровье», поспешила покинуть кафе. Потом сняла значок, бросила его в сумку и побрела куда-то без видимой цели.

Очень скоро мне это надоело, и я стала поглядывать на троллейбусы. Я не очень люблю пешие прогулки, но троллейбусы просто ненавижу. Перевела взгляд на такси, начала злиться и даже прошипела: «Такси тебе не по карману», отошла подальше от тротуара, чтобы не испытывать свою стойкость, и оказалась возле щита «Приглашаем на работу».

Объявлений было множество, я добросовестно прочитала все. В основном требовались секретари-референты. Всю прошлую неделю я угробила на подобные объявления. В первый раз нелегкая занесла меня в какую-то подворотню в старом городе. На здании из красного кирпича, таком ветхом, что его стоило бы снести еще в прошлом веке, красовались бумажка с надписью «Эверест», приклеенная к обшарпанной двери, и стрелка, упирающаяся в полуразвалившийся забор тоже из красного кирпича. Пока я хлопала глазами, силясь сообразить, что бы это могло означать, за моей спиной возник мужчина кавказской национальности и радостно пропел:

– Заходи, дорогая...

– Вы кто? – сурово одернула я.

– Я? – слегка растерялся он. – Рафик меня зовут. А тебя, красавица?

– А меня налоговая полиция. Это ваша лавочка?

– Моя, – пролепетал он.

– Готовьте документы, – еще больше посуровела я, отступая от двери. – Сейчас подъедут наши товарищи.

Рафик моргнул и вроде бы вытаращил глаза, Впрочем, наверняка тут не скажешь, потому что они от природы были большими и в уготованном им месте не помещались. Воспользовавшись его замешательством, я поспешно удалилась и, только оказавшись в такси, вздохнула с облегчением.

После этой встречи я старательно избегала подозрительных офисов. В фирмах, занимающих приличные здания в центре, меня встречали приветливо. Хозяин, как правило, молодой мужчина, поднимался навстречу, усаживал в кресло, угощал кофе и с веселой улыбкой выслушивал пожелание совершать ежедневный трудовой подвиг в его конторе. После чего меня провожали до двери и просили передать привет супругу. После шестого приветствия я рассвирепела и позволила Максиму.

– Это твои происки? – прошипела я зловеще, потому что звонила из автомата, не в силах больше сдерживать негодование.

– Что? – весело спросил он.

– Меня не берут на работу.

– Куда?

– Какая, к черту, разница?

– Ты хочешь устроиться кондуктором? – еще больше развеселился он.

– Между прочим, у меня высшее образование.

– Ну и что? Я встречал кондукторов с высшим образованием.

– Я хотела устроиться секретарем-референтом.

– Серьезно? – вдруг загрустил Максим. – А ты умеешь печатать?

– Я научусь...

– Извини, дорогая, но ты не умеешь даже заваривать кофе.

– Я не умею? – мое возмущение не знало границ.

– Не умеешь, – вздохнул он. – Но, несмотря на это, я все равно люблю тебя.

– А я тебя нет, – отрезала я и повесила трубку.

В общем, с идеей стать секретарем-референтом пришлось распрощаться, потому что Максим, конечно, прав: печатать я не умею, мысль ежедневно по восемь часов сидеть на работе приводила меня в ужас, а кофе я действительно готовлю паршиво. Тут уж ничего не поделаешь.

Поскучав возле стенда с объявлениями и махнув на все рукой, я заспешила к стоянке такси и через пятнадцать минут уже входила в кабинет Лильки. Она восседала за огромным столом в деловом костюме черного цвета и белоснеж-

ной блузке. Лильке хорошо, у нее есть характер, принципы и стремления. А у меня только лень, хороший аппетит и дурные привычки.

Лилька радостно улыбнулась мне и шепнула заговорщицки:

– Ну как?

– Никак, – хмуро ответила я, готовясь к основательной взбучке.

– Что «никак»? – начала злиться подружка.

– Что спрашиваешь, то и никак. Не могу я приставать к людям на улице. Знаешь, по-моему, это даже неприлично.

– Чепуха. И ты это прекрасно знаешь. Такая работа тебя закалит. Поможет выработать характер.

– Может, он выработается как-нибудь по-другому?

Лилька собралась метнуть в меня молнию, но неожиданно передумала. Подошла, села рядом и даже обняла, а потом запела сахарным голоском:

– Ничего, зайчик, это только первый день. Тебе надо пересилить себя...

– Не зови меня зайчиком, – проворчала я, у Лильки все зайчики: и девочки, и мальчики, это иногда раздражает.

– Хорошо, дорогая. – Она улыбнулась, чмокнула меня в нос и спросила: – Хочешь кофе?

– Ничего я не хочу, – нахмурилась я.

– Что за настроение? Ну-ка, улыбнись... Пойдем сегодня в театр, там комедия... Не помню, как называется, но это

не важно. Наденешь свое голубое платье... Ты в нем такая красавица, все плохое настроение как рукой снимет.

Голубое платье я любила. Задумалась, глядя в потолок, и поделилась наболевшим:

– Я видела колье к нему. В центре голубой камень и россыпь бриллиантов. Представляешь?

– Ты ведь его не купила? – насторожилась Лилька.

– Подумываю... – честно призналась я, а надо было помалкивать, потому что подружка сразу же начала метать молнии.

– Что ты болтаешь! – рявкнула она. – У тебя есть деньги на такие покупки?

– Вообще-то есть...

– Это не твои деньги, а деньги твоего мужа.

– Какая разница, раз он всучил их мне?

– Неужели ты не понимаешь, что он тебя испытывает? –

В этом месте я скривилась и попросила жалобно:

– Отвяжись, а? Я не купила это колье и не куплю.

– Слава богу, – вздохнула подружка, как будто мы с ней на пару только что пережили опасное приключение. – Ты должна держаться, найти работу, научиться себя обеспечивать и доказать в конце концов, что ты вполне способна обходиться без него.

– А я что делаю? – поинтересовалась я, заметно поскучев. – Только Максим обзвонил всех знакомых, и теперь приличной работы мне ни за что не сыскать. Если по-честному, делать я ничего не умею, а распространять гербалайф мне

не хочется.

– Ну его к черту, – согласилась Лилька. – Попробуем что-нибудь придумать... Этот гад звонил?

– Ага.

– Звал назад?

– Само собой.

– А ты?

– Что я?

– Ну... ты дала понять, что порвала с ним окончательно?

– Послала его к черту.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнула Лилька и добавила: – Так ему и надо...

«Гадом» мой муж стал четыре месяца назад, до тех пор числился в «душках». Такая немилость объяснялась просто: мы разводились, то есть, если быть до конца откровенной, это я с ним разводилась. Максим об этом даже не помышлял, считая мой поступок глупой блажью. Впрочем, что бы я ни делала, он все считал глупой блажью, хотя я мало что делала, зато очень умело изводила свою дражайшую половину (это, конечно, мнение мужа). Максим женился на мне два года назад. Заметьте: это он на мне женился, лично я не делала никаких попыток выйти за него замуж.

Я только что закончила институт и искала работу. Искала, не особенно напрягаясь, так что дело продвигалось ни шатко ни валко. Лилька, которая старше меня на четыре года и всегда отличалась избытком жизненных сил, взялась мне по-

мочь. С Максимом у них было шапочное знакомство через каких-то общих друзей. От них-то подружка и узнала, что ему требуется секретарша. О работе секретаря у меня было смутное представление, но Лильку это не остановило, и она, дав массу полезных советов, потащила меня к Максиму.

На работу меня не приняли, будущий супруг за пять минут смог распознать во мне профессиональную лентяйку, а так как к своей работе он относился чрезвычайно серьезно, то исключительно вежливо меня отфутболил. Однако вечером позвонил мне и пригласил поужинать. В работе мне уже отказали, и ужинать я не пожелала, недвусмысленно намекнув, что Максим интересовал меня исключительно как возможный работодатель. Надо знать характер моего мужа: он развил прямо-таки фантастическую деятельность. Настоячивые ухаживания завершились тем, что я в конце концов промямлила «да» и мы поженились.

Несмотря на молодость, муж уже в то время руководил крупной фирмой (до сих пор не знаю, чем они там конкретно занимаются), являлся членом всех городских клубов и обществ, а также считался одним из самых перспективных молодых людей в партии, в которой состоял уже несколько лет (название партии я записала на бумажке после длительных и безуспешных попыток его запомнить, но и сейчас с уверенностью назвать не смогу).

После бракосочетания с последующим венчанием в кафедральном соборе, с хором певчих, десятью «Мерседеса-

ми», одним «Роллс-Ройсом» и тремя кинокамерами, вопрос о моем трудоустройстве отпал, так и не возникнув. Я стала женой крупного бизнесмена и два года весьма успешно подвизалась в этой роли: тратила мужнины деньги, лучезарно улыбалась налево-направо и исправно трепала супругу нервы своими капризами. С некоторым опозданием он обнаружил у меня вздорный характер, поставив на вид вспыльчивость, чрезмерную избалованность, эгоизм и абсолютное нежелание считаться с его мнением. У меня были встречные претензии (с моей точки зрения, весьма обоснованные). Мы отчаянно ругались (не реже трех раз в неделю), я била посуду и топала ногами, а Максим хлопал дверью, а потом без конца звонил по телефону, на который я принципиально не реагировала. К вечеру он возвращался с огромным букетом, мы быстренько мирились, ехали в какой-нибудь ресторан ужинать с шампанским по случаю перемирия и чувствовали себя безмерно счастливыми до следующего скандала, который, кстати, мог возникнуть по любому поводу, а также без того вообще. Мое плохое настроение в утренние часы часто способствовало этому, а поскольку с Максимом мы виделись в силу специфики его работы только утром и вечером, то, как правило, и скандалили по утрам, чтобы вечером помириться.

Такая жизнь устраивала обоих, пока в пылу полемики, возникшей из-за какого-то дурацкого костюма, который я пятый месяц не могла забрать из чистки по причине отсут-

ствия свободного времени, так вот, пока из-за этого дурацкого костюма, рассвирепев более обыкновенного и совершенно потеряв контроль над собой, Максим вдруг не рывкнул:

– Ты без меня дня не проживешь...

Это показалось обидным, и я поинтересовалась:

– Я не проживу?

– Разумеется, – подлю улыбаясь, ответил супруг. – Ты даже не знаешь, где продают хлеб. Ни за что не найдешь булочную и умрешь от голода.

– Это черт знает что такое! – решила я и запустила в мужа хрустальную вазу. Она была очень тяжелой, и, если честно, мне никогда не нравилась. Ваза упала на ковер без видимого для себя ущерба, это слегка удивило меня, и я еще немного ее побросала, причем так увлеклась, что временно забыла про Максима. Он понаблюдал за мной, покачал головой и изрек:

– Ты совершенно нелепое создание. Кактус.

Одно дело, когда тебе говорят о вздорном характере, и совсем другое, когда обзывают каким-то кактусом. Я вытаращила глаза и выкрикнула:

– Что ты сказал? – надеясь, что муж перепугается и возьмет свои слова обратно. Но он упрямо повторил:

– Кактус. – И это стало причиной нашего развода, то есть я в тот же день поехала в суд и подала на развод, воспользовавшись тем, что был вторник, а заявления как раз принимали по вторникам.

Правдиво указать причину развода я не могла, ну что же в самом деле, так и писать, что муж обозвал меня кактусом? Поэтому я немного схитрила и причиной своей немилости к супругу указала его нежелание меня понимать. Эта фраза вызвала недоумение у женщины, принявшей мое заявление, а потом и всех моих многочисленных знакомых. Но мне она казалась очень удачной, и я, чтобы придать себе уверенности, то и дело повторяла вслух: «Он меня не понимает».

Не дожидаясь возвращения Максима с работы и игнорируя дребезжащий телефон, я собрала свои вещи и отправилась к родителям. Все вещи, которые я считала своими, собрать за несколько часов я просто не могла, к тому же в грузовое такси они бы попросту не уместились, поэтому пришлось выбирать, то есть что-то оставлять в опостылевшем доме мужа, а что-то брать с собой, и я пережила несколько восхитительных мгновений, глядя на шляпки, успевшие выйти из моды, шкатулки, костяной веер из Гонконга и прочие милые безделушки, которые так трогают сердце одинокой женщины...

В конце концов я смогла покинуть дом мужа и свалилась как снег на голову своим родителям, которые, благополучно переложив заботу обо мне на плечи мужа, думать не думали, что я смогу вернуться. Пока грузчик и водитель перетаскивали вещи, папа и мама стояли в прихожей наподобие скорбных памятников.

– Я от него ушла, – заявила я сурово и сочла необходимым

добавить: – Он меня не понимал.

Папа, под предлогом посещения парикмахерской, выскользнул из квартиры и от соседей позвонил Максиму. Тот явился через пятнадцать минут в сильнейшем гневe. Рывкнул с порога:

– Что ты вытворяешь?! – Но должного впечатления не произвел.

– Ты не понимал меня, – заявила я обиженно, а супруг пошел пятнами:

– Это я тебя не понимал? А кто ж тебя понимал в таком случае?

Продолжать разговор в подобном тоне я сочла неуместным и удалилась в ванную, откуда меня так и не смогли выманить, как ни старались. Все трое стояли возле двери и по очереди меня урезонивали.

Чрезвычайно довольная собой, я соорудила ложе из банных халатов и полотенец, а Максим остался ночевать, как видно, рассчитывая, что к утру я подобреею. Ничуть не бывало. Утром я твердо заявила ему из-за двери:

– Ты меня никогда не понимал. – И добавила зловеще: – А еще назвал кактусом.

– О боже! – простонал муж. – Я тебя умоляю... не можешь ты из-за такой чепухи... в конце концов, кактус очень миленькое растение... и вообще...

– Я подала на развод, – ядовито сообщила я, а Максим, чертыхаясь, не приняв душ и не побрившись, отбыл на свою

работу, после чего я покинула ванную.

Родители приняли сторону супруга (подозреваю, с целью от меня избавиться), Максим продолжал свои настойчивые увещевания, и жизнь в доме родителей вскоре сделалась совершенно невыносимой.

На помощь мне, как всегда, пришла Лилька. У нее был громадный опыт разводов с мужьями, и она сразу же с головой окунулась в мои проблемы. Я переехала к ней, из квартиры выходила крайне неохотно и всегда в сопровождении Лильки и ее друзей, у Максима теперь не было никаких шансов со мной встретиться. В отместку он безобразно вел себя у судьи, трижды назвав меня избалованной, дважды «не отдающей себе отчета в своих действиях» и один раз «ребячливой», а в заключение заявил, что никогда со мной не разведется. Мне предложили все как следует обдумать, дав на это месяц.

– Он сунул им взятку! – рычала Лилька в коридоре суда и сверкала глазами. Максим изловчился перехватить меня возле машины и сказал очень серьезно:

– Кончай дурить, а? Клянусь, я больше никогда не назову тебя кактусом.

Это отвратительное слово вызвало во мне прилив ненависти, а глагол «дурить» сильнейшую обиду, я сдвинула брови и со всей ответственностью заявила:

– Ты меня никогда не понимал, – после чего устроилась в Лилькином «Фольксвагене» и отбыла, ни разу не взглянув

в сторону супруга.

Максим продолжал попытки встретиться со мной, чтобы обсудить проблему. Никакой проблемы я не видела и ничегошеньки обсуждать не хотела. Супруг очень быстро смекнул, что, если я буду жить у подруги, шансы видеться со мной равны нулю. В один прекрасный вечер он заявился к Лильке и, слегка сдвинув ее в сторону, прокричал в недра квартиры, рассчитывая, что я его услышу:

– Ты имеешь право на жилплощадь!

Разумеется, я имела право, оттого незамедлительно выплыла в прихожую, а Максим повторил:

– Ты имеешь право на половину дома.

– Да, – кивнула я головкой и торопливо добавила: – Только мне от тебя ничего не надо.

– Я не могу жить сразу на трех этажах, когда ты ютишься у подруг.

У Лильки я вовсе не ютилась, жила она одна, а квартира насчитывала четыре комнаты общей площадью сто двадцать квадратных метров, но спорить я не стала и взглянула на супруга с интересом. Лилька, немного подумав, решила впустить его в прихожую. Максим посмотрел на нее сурово, перевел взгляд на меня, заметно подобрел и предложил:

– Может быть, мы где-нибудь поужинаем и обсудим этот вопрос?

Ужинать с Максимом я не собиралась, очень хорошо зная, чем может закончиться этот ужин, подумала немного, широко

ко улыбку и ошастливила его:

– Хорошо. Только Лилька поедет с нами.

Муж тяжело вздохнул, а Лилька скорчила в ответ злобную гримасу, хохотнула, победно вскинула голову и уплыла переодеваться.

Воспользовавшись моей беззащитностью, муж тут же ухватил меня за руку и невнятно пробормотал:

– Я тебя люблю. И не вздумай сказать, что ты меня – нет.

Ни за что не поверю, это все глупость и притворство.

– Конечно, – усмехнулась я. – Глупость, что же еще? А я сама – кактус.

– О господи, – начал он скулить сквозь зубы, получалось довольно забавно. – Угораздило же брякнуть такое...

– Вот-вот, – поддержала я его. Он сжал мою руку с большим рвением, возвел очи к потолку и только собрался сказать что-нибудь в высшей степени впечатляющее, как в прихожей возникла Лилька, Максим скривился, опустил глазки и обреченно проронил:

– Поехали.

Ужин удался на славу, бирюзовое платье шло мне необыкновенно, любимые пирожные таяли во рту, Лилька трещала как заведенная, что позволяло совершенно не следить за разговором: вставить слово мне все равно не дадут. И вот тут Максим сказал:

– Продадим дом, а деньги разделим.

Сообразив, что он такое заявил, я довольно отчетливо ик-

нула, выпучила глаза и, кажется, остолбенела.

– Как это продадим? – пролепетала я где-то через минуту, Максим пил кофе, а Лилька безуспешно пыталась вернуть отпавшую челюсть на ее законное место.

– Как продать? – через минуту смогла спросить и она, после чего мы с отчаянием переглянулись.

– Очень просто, – пожал муж плечами. – Зачем мне этот дом, если я живу один? Кстати, я уже неделю ночую в гостинице. Дом навевает грустные мысли, мне тяжело в родных стенах, где все напоминает о любви, которой я лишился.

– Ты сам виноват, – насторожилась я.

– Возможно, но жить в этом доме я не собираюсь. Хочешь – живи ты.

Я нахмурилась, уловив в его словах намек на хитрость. Наш дом мне очень даже нравился, и продавать его я не собиралась. Он располагался в самом центре города, но в тихом переулке, и вдобавок ко всему имел свой, хотя и небольшой, зато самый настоящий парк. Метрах в двухстах от нашего дома находилась церковь восемнадцатого века, необыкновенно красивая, и дважды в день я могла наслаждаться колокольным звоном (что было весьма благотворно для моей души). Считалось, что в прошлом веке дом этот принадлежал губернатору, человеку образованному и не чуждому культуре, оттого дом мог похвастать редким сочетанием красоты, вкуса и благородства, который придает подобным строениям солидный возраст. Конечно, внутри дом совершенно пере-

делали, но все равно складывалось ощущение, что живешь во дворце, а в городе мой дом так и называли – «губернаторский». Он стоил безумных денег, интриг, сплетен и завистливых взглядов, и вдруг: продать. Это что же вообще такое? Именно этот вопрос я и задала Максиму.

– Я же объяснил, – пожал он плечами. – Я не могу жить в этой громадине, когда ты теснишься у подруги.

– Я не буду тесниться, – пролепетала я.

– Тогда возвращайся и живи, где тебе положено.

– А ты?

– А я буду ночевать в гостинице.

– Тогда я не смогу тесниться, то есть жить, в то время как ты...

– Мы можем жить там вместе. Не забывай, что в доме два входа, мы даже никогда не встретимся.

Пока я обдумывала, как сказать «да» с минимальным ущербом для своей гордости, Лилька рявкнула:

– Ни за что! – Рявкать она умеет, все сидящие в зале вздрогнули, словно по команде, и испуганно повернулись, а Лилька перешла на шепот: – Ни за что...

– Тебя-то кто спрашивает? – вздохнул Максим.

– Она моя лучшая подруга, – ткнув в меня пальцем, сказала Лилька. – И я не позволю превращать ее в безропотное создание, лишенное чувства собственного достоинства... – Подружка минут десять распиналась в том же духе, а я смотрела на скатерть и думала о своем доме.

– Ты его не продашь, – сказала я, как только Лилька заткнулась.

– Продам, – нахмурился Максим. – У меня уже и покупатель есть.

– Кто? – дружно ахнули мы.

– Черноусов, – ласково ответил Максим, а я позеленела от возмущения: Черноусовы были нашими извечными недругами. Что до самого Черноусова, так мне безразлично, где он и что он, но его мадам неизменно действовала мне на нервы. Крашенная стерва, которой давно стукнуло сорок, а она все прикидывалась тридцатилетней, писала маслом дурацкие картины, которые пыталась всучить всем, кто вовремя не проявил должной бдительности, считала себя интеллектуалкой и на этом основании вечно задирала нос. А однажды назвала меня «милочка». Я в ответ стала называть ее «дорогушей», и вскоре мы стали злейшими врагами. Муж ее руководил крупным банком, и она дважды смогла нанести мне серьезный удар. Сначала явилась на прием в диадеме с двенадцатью бриллиантами, а потом муж подарил ей «Лексус», в то время единственный в городе.

Конечно, я очень быстро оправилась от удара и смогла ответить по достоинству, но все равно такое не забывают. И вот теперь эта мерзавка будет жить в моем доме.

– Ты с ума сошел? – сурово сказала я, глядя в небесно-голубые глаза мужа.

– Мне не нужен этот дом, – скривил он презрительно губы,

разумеется, из чистого упрямства. – Хочешь, живи в нем, не хочешь – я его продам.

– Хорошо, – улыбнулась я, призвав на помощь все свое мужество. – Продавай.

Лилька жалобно ойкнула и съездила мне ногой по щиколотке, я улыбнулась еще шире, а Максим начал покрываться пятнами.

– И продам.

– Э-э, – вмешалась Лилька. – Давайте не будем спешить в этом вопросе. Такой дом продать нетрудно, а вот купить...

– Пусть продает, – не выдержала я, достала платок из сумки и аккуратно заплакала: – Разве ты не видишь, он нарочно мучает меня.

– Садист! – фыркнула Лилька, хватая мои руки, и тоже заплакала.

– Я не стал бы его продавать, если бы ты не мыкалась по подругам, – устыдился Максим.

– Я не мыкаюсь.

– Нет, мыкаешься.

– Хорошо, я куплю себе квартиру, то есть ты мне ее купишь.

– А сам останусь в доме? На кой он мне черт?

– Ты можешь жениться, – заявила Лилька, а я нахмурилась и взглянула на мужа с подозрением.

– Чтобы жениться, надо для начала развестись. А я этого делать не собираюсь.

Подружка усмехнулась, а я кивнула не без удовлетворения.

– Все-таки с домом спешить я бы не стала, – произнесла я примирительно.

– Хорошо, – туманно согласился он. – Я покупаю тебе квартиру и каждый месяц выплачиваю алименты до тех самых пор, пока ты не устроишься на работу. Если суд нас разведет, мы продаем дом, а деньги делим пополам. Думаю, это справедливо.

– Она обойдется без твоего пособия, – влезла Лилька, и я кивнула, хотя очень сомневалась, что обойдусь.

Дома подружка сразу же взялась меня поучать.

– Где твоя гордость? – воздевая руки, повизгивала она, бегая по комнате. – Я бы на твоём месте хлопнула дверью и ни копейки не приняла от этого чудовища. Пусть бы подавился своими деньгами. Рабовладелец... Я бы лучше жила на вокзале... – Тут Лилька малость притормозила и посмотрела на меня с сомнением.

– Я не могу жить на вокзале, – на всякий случай предупредила я. – И если по закону мне что-то положено...

– О господи! – Лилька тяжело вздохнула. – Прав твой муженек, ты совершенно... – Она махнула рукой и добавила: – Кактус.

– Сама ты кактус, – разозлилась я.

– И нечего обижаться. Возвращайся к мужу. Ты из тех женщин, что без этих волосатых мерзавцев дня не проживут.

– Еще чего. Очень даже хорошо проживу, и Максим все не волосатый. Он симпатичный и, когда ведет себя прилично, просто душка, а ты моя лучшая подруга и не должна называть меня всякими обидными словами, иначе придется с тобой поссориться, хотя мне этого вовсе не хочется, потому что я тебя люблю и очень уважаю за твой характер, возможно, у меня нет твоего характера, но это дела не меняет, и ты...

– Заткнись, – нахмурилась Лилька. – Короче: квартиру берем самую дешевую, этим я сама займусь. А пособие пятьсот рублей, и пусть посылает по почте, нечего ему к тебе шагать.

– Как это пятьсот? – испугалась я. – Что за глупости ты говоришь...

– Пятьсот, – отрезала Лилька. – И ты от них откажешься, как только устроишься на работу. Будешь зарабатывать сама. Решительная женщина, способная постоять за себя...

– Лилечка, а квартира? В нее же надо мебель?

– Возьмешь все необходимое из дома, только необходимое, – насторожилась она. – К тому же я сомневаюсь, что тебе потребуется много мебели.

– Почему это? – потихоньку начала впадать я в панику.

– Приличную квартиру ты купишь потом сама. А пока берем однокомнатную «хрущевку». Это будет хорошим стимулом начать новую жизнь и взяться за себя всерьез.

– Может, не стоит? – пролепетала я.

– Стоит, – ответила Лилька. – Будем делать из тебя человека.

Не знаю, что тогда имела в виду подружка, но сейчас она взирала на меня с очень постным видом, тяжело вздыхала и время от времени хмурилась.

– Ты могла бы к нему вернуться, – заявила она наконец, сверля меня взглядом.

– Ни за что, – ответила я, и Лилька успокоилась.

– Ладно, гербалайф не очень удачная затея, позвоню Арсеньеву, может, у него есть место...

– Какое? – насторожилась я.

– Господи, да какая разница, лишь бы деньги платили.

Ободренная таким образом, я отправилась домой, с облегчением подумав, что сегодня моя судьба вряд ли решится. Я покинула Лилькин кабинет, а также здание, где он размещался, и направилась в сторону кафе, на ходу заглянув в кошелек. Его содержимое меня озадачило. Два дня назад Максим выдал мне тысячу (уже четвертую в этом месяце, знай об этом Лилька, она непременно бы меня убила, но она, слава богу, не знала), но эта самая тысяча каким-то непостижимым образом опять испарилась. Я попыталась вспомнить, что я купила: тапочки, лак для ногтей, шапочку для душа (она оказалась не очень удобной, хотя шла мне необыкновенно), сухой корм для Ромео и два килограмма мяса ему же. Больше я ничего не покупала... как будто. «Придется опять

звонить Максиму, — опечалилась я, вздохнула и с горя съела пирожное и выпила молочный коктейль, хотя сидела на диете и строго-настрого запретила себе сладкое. — Максим прав, — думала я при этом с грустью. — Я кактус. И Лилька права: у меня нет характера, есть только дурные привычки. Я ни на что не годное, никчемное создание». Через полчаса мне стало так жаль себя, что пришлось покинуть кафе, дабы не расплакаться.

Я брела по улице и чувствовала себя бесконечно одинокой. Ноги сами собой вынесли меня к «губернаторскому» дому, и я буквально зарыдала, так мне стало жалко себя, а потом взяла такси и поехала к мужу в офис.

По дороге я смогла успокоиться, перестала вздыхать, а затем разозлилась на себя: следов безутешных рыданий в лице не наблюдалось, но и косметики практически не осталось, она вся была на платке. Приводить себя в порядок рядом с совершенно незнакомым мужчиной я сочла неуместным, а появляться в офисе мужа в таком плачевном виде — тем более. Поэтому на половине дороги я неожиданно передумала и отправилась домой, где выпила чаю, подкрасилась и только тогда поехала к мужу, но за это время мне в голову успело прийти столько разных мыслей, что я забыла, по какой такой нужде я к нему собиралась, и поэтому я, конечно, разозлилась.

В приемной сидела секретарша. Я подумала, что это место могло бы принадлежать мне, и с удовлетворением реши-

ла, что выглядела бы гораздо лучше этого бледного создания с неопределенного цвета волосами. Девушка хмуро посмотрела в направлении двери и тут же расцвела в улыбке.

– Здравствуйте, – пропела она, и я пропела в ответ:

– Добрый день.

– Максим Сергеевич один, проходите, пожалуйста.

– Спасибо, – скривилась я, можно подумать, если б муж был не один, я бы осталась сидеть в приемной.

Я вошла и кашлянула, а муж поднял голову от каких-то бумаг на столе.

– Привет, – сказала я и на всякий случай нахмурилась. Он поднялся, подошел, обнял меня за плечи и поцеловал, правда, вполне невинно, то есть по-братски. После чего усадил в кресло и сам пристроился рядом.

– Очень рад тебя видеть, – наконец изрек он.

– У меня почему-то кончились деньги, – вздохнула я. – Просто напасть какая-то. Только-только были в кошельке и раз... куда-то улетучились, я даже не знаю куда...

– Бог с ними, – сказал Максим. – Я рад, что ты пришла. Хочешь, куда-нибудь съездим? А можем просто погулять в парке. Сегодня хорошая погода. А потом прокатимся по магазинам.

– Я не хочу по магазинам, – запротестовала я, заподозрив мужа в намерении дать мне взятку.

– Хорошо, в магазины не поедем. Знаешь, я очень скучаю, – сказал он, а я вздохнула:

– Я тоже скучаю.

– По-моему, это глупо, – заметил Максим. – Я имею в виду скучать друг без друга, когда мы можем быть вместе.

– Ты... – нахмурилась я, но он меня перебил:

– Я знаю, что не понимал тебя. Я сожалею и приложу все старания... и мне больше в голову не придет сравнивать тебя... я имею в виду, говорить всякие глупости.

Я замерла, боясь, что он произнесет дурацкое слово и все испортит, но у Максима хватило ума вовремя прикусить язык, я перевела дух, и мы отправились в парк.

Муж был настоящей душкой, и я совсем уже решила к нему вернуться, но тут у него в кармане ожил сотовый, и я совершенно отчетливо услышала, как эта мегера из приемной назвала его Максимом. С какой стати, если для нее он Максим Сергеевич? Выяснению этого обстоятельства я и собиралась посвятить оставшееся время, а муж в очередной раз продемонстрировал все коварство своей натуры: во-первых, он нагло утверждал, что она сказала «Максим Сергеевич», а во-вторых, что у него важный разговор, именно им он и намерен заняться, а не выслушивать всякую чепуху.

Я смирила его ледяным взглядом и отправилась в сторону стоянки такси, муж бросился следом и хватал меня за руки, но делать это, одновременно разговаривая по телефону, было все-таки неудобно, и я смогла загрузиться в машину, вторично наградив его ледяным взглядом. Мне стало совершенно ясно: мы не подходим друг другу.

Размышляя об этом, я смотрела в окно и не заметила, как очутилась возле подъезда своего недавно приобретенного жилища. Расплатилась, вышла и в который раз с недоумением воззрилась на совершенно нелепое сооружение. Дом был старым, ветхим, облезлым, а еще здесь водились тараканы. Это было мне доподлинно известно, потому что три дня назад я ходила к соседям за молотком, когда у меня свалилась со стены Нефертити, и лично видела таракана, который расположился прямо над выключателем. С перепугу я забыла, зачем пришла, и попросила соли. Соль мне дали, но я сразу же выбросила ее в форточку, боясь, что в соли могут оказаться тараканьи яйца, или чем они там размножаются.

Надо сказать, что квартиру я не видела до самого своего заселения сюда. Квартирный вопрос решала Лилька и решила по своему разумению. Максим категорически возражал, что послужило веским аргументом «за», в результате мы победили, и я сюда въехала. Конечно, лучше бы мне этого не делать. Лилька хотела, чтобы у меня был стимул. Не знаю, что конкретно она имела в виду, у меня же, лишь только я переступила порог, было одно желание: сиюминутно скончаться. Однокомнатная «хрущевка», где кухня вовсе не была кухней, а прихожая прихожей. Я и одна там не смогла бы разместиться, а мои вещи – тем более. В квартире в рекордные сроки сделали ремонт, но выглядеть лучше она не стала. Ко всему прочему, находилось это чудо на пятом этаже, а так

как было их всего пять, лифт отсутствовал.

Подумав об этом, я вздохнула и вошла в подъезд. Поднялась на один пролет, свирепо посмотрела на соседского кота, который не дал себя погладить, и на всякий случай заглянула в почтовый ящик. Газет я не выписывала, писем не ждала, но... В ящике лежал листок, вырванный из школьной тетради и сложенный вчетверо. Я машинально его развернула и прочитала: «Пожалуйста, в 19.00 подойди к кухонному окну». Я повертела записку в руках, скомкала, сунула в карман, потому что никогда не сорила в подъездах, и цыкнула на несчастного кота, точно он был во всем виноват. Потом стремительно поднялась на пятый этаж и вошла в квартиру, где меня, радостно виляя хвостом, встретил Ромео (Ромео – такса, ему четыре года, он ужасный трусишка и обжора, а еще он не любит гулять, что мне в нем очень симпатично, потому что я гулять тоже не люблю, особенно по утрам).

– Привет, – сказала я и поцеловала его в нос. На сегодняшний день он был единственным существом мужского пола, не вызывающим у меня отвращения.

Ромео в ответ лизнул меня и немного поскулил, продолжая вилять хвостом, это могло означать все, что угодно. Сегодня это означало, что он разбил греческую вазу и стянул скатерть с кухонного стола. За такие деяния пес заслуживал хорошей взбучки, но вместо этого я села на диван, похлопала ладонью рядом с собой, приглашая Ромео присоединиться, и решила ему пожаловаться:

– Ты не знаешь, а я знаю: на самом деле я – кактус. Самое бесполезное и нелепое создание на свете.

Ромео посмотрел на меня, моргнул, лизнул руку, а потом сунул нос в карман и извлек комочек бумаги.

– Видишь, что здесь написано? – начала я к нему приставать. – В семь часов подойти к кухонному окну. Как думаешь, что за идиот написал такое?

Ромео ничего не думал. Он спрыгнул с дивана и стал играть с бумажкой, не скажу, чтобы игра его очень увлекала, он по натуре довольно ленивый, но лапой ее шевелил и вроде бы к чему-то прислушивался, а я добавила:

– Наверное, это дети.

Почерк детским не был, хотя с уверенностью утверждать это я бы не стала, то есть, может, и детский, конечно, но похож на взрослый, скорее мужской, чем женский. Может, записка адресована прежней хозяйке квартиры? Или ее по ошибке бросили не в тот ящик? Совершенно идиотская записка. Хотя, возможно, это приглашение к свиданию? Кто-то приглашает даму своего сердца подойти к окну, а он сам ровно в семь появится под балконом с гитарой... Балкона у меня не было, это я знала доподлинно, к тому же для романтического свидания место было явно неподходящее. Дело в том, что окна моей квартиры выходили на тюрьму. Не знаю, что имела в виду Лилька, заселяя меня сюда: может, она всерьез верила, что подобное соседство сподвигнет меня на свершение трудовых подвигов, а может, решающую роль

сыграла цена: за однокомнатную «хрущевку» в ветхом доме просили копейки. Я поднялась с дивана, прошла в кухню и замерла возле окна, опершись ладонями на широкий подоконник.

От тюремной стены дом отделяло метров двадцать. Метров двадцать зеленой травки без единого деревца. Стена высоченная, сложенная из кирпича, сверху колючка в несколько рядов. Тюрма была старой и славилась на всю Россию. Из моего окна мало что разглядишь: верхние этажи здания, построенного еще при Екатерине Великой, с толстенными решетками на узких окнах, да крыша, покатая, из светлого железа, ослепительно сверкающая на солнце. Рядом с центральным зданием угадывались другие, поменьше, я видела разноцветные кусочки крыш, по вечерам там горели мощные фонари и лаяли собаки. Только псих решит исполнить мне серенаду в таком месте.

– Все-таки это странно, – сказала я и даже нахмурилась, а потом добавила: – Это чья-то глупая шутка.

Вернувшись в комнату, я взяла записку, разгладила ее руками и принялась изучать почерк. Почерк как почерк, ни о чем он мне не говорил и ни о ком не напоминал.

– Глупая шутка, – с облегчением вздохнула я и выбросила записку в мусорное ведро. Накормила Ромео и устроилась в кресле с книгой, Ромео забрался ко мне на колени, закрыл глазки и принялся сопеть, а я улыбаться. Комната показалась уютной, а вечер расчудесным.

Зазвонил телефон, я насторожилась, но трубку снимать не спешила. Это скорее всего Максим, так и оказалось: автоответчик был включен, и я слышала голос мужа.

– Я знаю, что ты дома, – заявил он. – Заеду часиков в девять. Привезу деньги. Я тебя люблю. Давай мириться, а?

Шестьдесят секунд кончились, и ему пришлось заткнуть-ся, я показала телефону язык, пропела дурашливо: «Давай мириться, а?», подражая мужниной интонации, поцеловала Ромео и углубилась в чтение. Однако где-то через час стала поглядывать на часы. Сначала время от времени и как бы между прочим, но чем ближе стрелка перемещалась к отметке «7», тем настойчивее я за ней наблюдала.

– Глупость какая, – презрительно фыркнула я и даже попыталась читать вслух, но как только старинные часы отбили один удар из положенных семи, переложила Ромео на диван и выскользнула в кухню, осторожно подобралась к окну и выглянула.

На зеленой лужайке внизу никого не было. Я стояла, пялилась на свежую травку и стала злиться по-настоящему. Стою у какого-то дурацкого окна из-за какой-то дурацкой записки. Да надо мной просто посмеялись, никто и не думал появляться под окнами. Однако шутка довольно глупая. Что же имел в виду этот самый шутник? В конце концов он должен был проверить, удалась его шутка или нет, то есть появиться и посмотреть, торчу ли я возле окна или совершенно не обратила внимания на записку.

Я простояла не меньше десяти минут, таращилась то направо, то налево, но никакого подобия человека не заметила. Дом наш был последним в ряду, напротив него, как я уже сказала, располагалась тюрьма, а чуть дальше старое кладбище. Хоронить там перестали еще лет сорок назад, так как кладбище уже давно оказалось в черте города. Оно было обнесено невысокой кирпичной стеной, и если шутник, к примеру, на нее взобрался, то вполне мог различить в окне мой силуэт. Должно быть, хохочет от души. А если у него есть бинокль, то он прекрасно видит выражение моего лица. Надо полагать, выгляжу я сейчас очень глупо.

Я отпрянула от окна и опустила жалюзи. Потом юркнула в комнату и отыскала театральный бинокль, не бог весть что, но все-таки. Вооружившись биноклем, я попыталась рассмотреть кладбищенскую стену. Под таким углом это оказалось нелегким делом и потребовало времени. Самое обидное, что ничего я углядеть не смогла, ну ничегошеньки. Если не считать двух ворон. Они сидели, нахохлившись, и в мою сторону даже не смотрели.

– Мальчишки озорничают, – твердо заявила я и убрала бинокль.

Вот тут и позвонили в дверь. Я вдруг испугалась и в прихожую вышла на цыпочках, посмотрела в «глазок» и увидела мужа. А может, это он так шутит? С него станется. Ромео, заметив мою нерешительность, робко выглянул из комнаты, а потом залез под стол.

– Трус несчастный, – прошипела я и открыла дверь.

Муж сунул мне в руки букет и быстро вошел, пока я не передумала.

– Ты оставлял записку в почтовом ящике? – спросила я, глядя на него с подозрением.

– Я? Нет. А что за записка?

– А... Глупость, одним словом. Ужинать будешь?

– Буду, – обрадовался муж, как выяснилось, преждевременно. В доме не было даже хлеба. Я развела руками и вроде бы устыдилась. – Ерунда, – отмахнулся Максим. – Сгоняем в универсам и все купим.

Уже в машине я, понаблюдав за мужем несколько минут, спросила:

– Ты хотел приехать в девять, а приехал в начале восьмого. Почему?

– Я нарочно сказал, что заеду в девять, чтобы ты не успела сбежать.

– С какой стати мне сбежать из собственной квартиры?

– Ну... например, для того, чтобы со мной не встретиться.

– Мне нечего бояться и вообще...

– Переезжай в наш дом, – вздохнул супруг. – У тебя никуда не годная квартира. А твоя Лилька чокнутая, и не возражай. Только чокнутая могла выбрать такое место. На улице ни единого фонаря, на кладбище бомжи... Я беспокоюсь за Ромео, он ведь гуляет один...

– Ну и что? – нахмурилась я.

– Ничего. Боюсь, как бы его не сожрали.

– Кто? – выпучила я глаза.

– Бомжи. Говорю, их полно на кладбище.

– Они могут сожрать Ромео? – пролепетала я.

– Конечно. Он трус и за себя постоять не сможет. Давай хотя бы его переселим в наш дом. Ты будешь заходить и кормить его, а он будет бегать в саду, там совершенно безопасно.

– Не могу поверить, что такое возможно... – все еще тараша глаза, сказала я.

– Ну, моя дорогая... открой любую газету. Этот район крайне неблагополучный. Такой женщине, как ты, здесь совершенно не место.

– Ты думаешь? – Я нахмурилась и стала смотреть в окно. Может, стоит рассказать Максиму о записке? Нет, не стоит. Выходит, я из-за любого пустяка должна обращаться к мужу. С дуралеями, которые так непонятно шутят, я разберусь и сама.

Ужин прошел в теплой и дружеской атмосфере, чему немало способствовала моя задумчивость. Половину из того, что говорил Максим, я попросту не слышала, на вторую половину не обращала внимания, должно быть, поэтому мы так и не поругались. Муж всучил мне деньги на текущие расходы и отбыл с некоторым сожалением после неоднократных намеков, что в гостинице ему страшно одиноко, а в моей квартире, весьма неудачно расположенной, женщине опасно оставаться одной.

Проводив мужа, я устроилась в кресле и немного поразмышляла. Очень похоже, что это происки супруга. Он хочет, чтобы я к нему вернулась и... Что «и»? Вот если бы в записке содержалась угроза – тогда понятно, а там какая-то дурацкая просьба. Я вышла в кухню и немного постояла возле окна, не зажигая свет. Зеленая травка внизу была ярко освещена, да и в кухне было довольно светло из-за прожекторов на тюремной стене.

Я нахмурилась и категорически запретила себе думать о записке. Потом позвонила Лильке.

– Как ты думаешь, бомжи могут съесть Ромео? – спросила я.

– Какие бомжи? – обалдела Лилька.

– Те, что живут на кладбище.

– А что, Ромео пропал?

– Слава богу, нет, но когда он пропадет, будет поздно. Так могут или нет?

– С чего ты взяла, что они живут на кладбище?

– По-моему, это очень удобное место, – безо всякой уверенности заявила я.

– А по-моему, ты говоришь глупости. И не вздумай вернуться к мужу. Если ты уступишь, я перестану тебя уважать.

– О чем ты думала, черт возьми, когда засунула меня в эту дурацкую квартиру? – разозлилась я и бросила трубку. А потом отключила телефон, легла в постель и позволила несчастному Ромео лечь у меня в ногах. То, что животное в

опасности, стало совершенно ясно.

Утром пес скулил и легонько покусывал меня за руку. Часы показывали восемь, и Ромео пора было идти на прогулку. Еще вчера это не доставляло хлопот, я распахивала входную дверь и отправлялась досыпать, открывать дверь подъезда было без надобности, в ней имелась дыра таких выдающихся размеров, что Ромео без труда оказывался на улице. Но сегодня, открыв глаза, я сразу же вспомнила про бомжей и опасность, нависшую над любимым существом, быстренько оделась, уговаривая пса не волноваться, подумала и прихватила газовый баллончик.

К моему удивлению, во дворе было довольно многолюдно: сразу три женщины развешивали белье, бабульки стояли возле подъезда с хозяйственными сумками, должно быть, собрались в магазин, а несколько мальчишек катались на скейте. Признаться, такая бурная жизнь меня удивила, ранее полудня мне не приходилось появляться на улице, и я слегка растерялась, а потом обрадовалась: вряд ли при таком обилии народа кому-нибудь придет в голову напасть на нас с собакой.

Я поздоровалась с соседками и не спеша пересекла двор, поглядывая на Ромео, тот нехотя плелся сзади, поражаясь переменам в привычном распорядке дня.

– Все-таки я не могу отпустить тебя одного, – сказала я, извиняясь, пес посмотрел на меня, вильнул хвостом, и мы

пошли веселее. Ноги сами понесли меня к кладбищу, и вскоре мы оказались перед калиткой из металлических прутьев. Я толкнула ее, раздался жуткий скрежет, и мы вошли на кладбище. Ромео на всякий случай прятался за моими ногами. – Тут никого нет, – разозлилась я. – Нельзя же быть таким трусишкой.

Кладбище было небольшое, с заасфальтированными дорожками и чистенькими тропинками, в центре стояла церковь, возле которой на скамейке сидели три старушки и чинно беседовали. Обойдя все кладбище, я не смогла обнаружить ни одного бомжа.

– Надо же придумать такое, – покачала я головой, решив задать мужу хорошую трепку, и отправилась домой.

Поднимаясь к себе на пятый этаж, я задержалась возле почтового ящика. В ящике явно что-то было, клочок белой бумаги виднелся вполне отчетливо. Ключ был в сумке. Я стрелой поднялась в квартиру и через пару минут держала в руках сложенный тетрадный листок, для верности подколотый скрепкой. Посоветовав себе проявлять терпение и твердость, я вернулась в квартиру и только тогда развернула записку. На пол, плавно кружа, опустилась банкнота. Я подняла ее, повертела в руках и даже рассмотрела на свет. Сотня выглядела совершенно настоящей.

Я торопливо прочитала записку: «Спасибо (восклицательный знак). Сегодня в это же время».

– Черт знает что такое! – развела я руками. Шутка пере-

стала быть просто чьей-то шуткой, а стала шуткой сторублевой. Мальчишек можно смело выбросить из головы. – Это Максим, – зло прошипела я и кинулась к телефону.

Максим уже был в офисе.

– Это ты, – заявила я.

– Конечно, – ответил он, а я перевела дух и уточнила:

– Твои шуточки?

– Что ты имеешь в виду? – переспросил муж и вроде бы даже испугался.

– Ты оставлял записку, говори честно, иначе... сам знаешь.

– Записку? – Нет, он не притворялся, уж я-то своего мужа хорошо знаю. – Что за записка? Ты вчера спрашивала про записку и сегодня. В чем дело? Тебе угрожают? Я сейчас приеду, дверь никому не открывай.

Я вздохнула и сказала:

– Ты соврал про бомжей. Сегодня утром я обследовала кладбище и никого не нашла.

– Сегодня утром? – не поверил Максим. – Хочешь сказать, что встала в семь утра?

– Хочу. И на кладбище вообще никто не живет. Только вороны.

– Ты в самом деле гуляла с Ромео?

– Конечно. Почему это тебя так удивляет? Я не хотела, чтобы моего друга сожрали, и пошла проверить. Ты меня обманул.

– Давай вернемся к запискам.

– Нет, к бомжам. Ты все это выдумал?

– Ничего подобного. Посмотри сегодняшние «Ведомости» и сама убедишься.

Второй раз за утро я покинула квартиру, чтобы купить газету. Ромео, который отправился вместе со мной, был поражен моим поведением, то и дело забегал вперед и поглядывал на меня вопрошающе.

Газету я купила и на первой же странице увидела заголовок «Зловещая находка». Плюхнулась на скамейку и, леденя душой, начала читать. Очень скоро мне стало ясно: Ромео грозит серьезная опасность. Бомжи на кладбище жили и действительно поедали несчастных животных. Возле старинного склепа были обнаружены останки более десяти собак разных пород, а жители окружающих кладбище кварталов уже давно жаловались на исчезновение своих питомцев.

– Боже мой! – пролепетала я, схватила Ромео и прижала его к груди. Он перепугался и начал скулить. Ромео обжора, а потому очень походит на колбасу с ножками, вид у него аппетитный и если бы он попался на глаза кому-нибудь из этих чудовищ с кладбища... Однако я сегодня утром никаких чудовищ не обнаружила. Опять же это не решает главной проблемы: кто мне пишет записки? Явно не бомжи, сотня для них сумасшедшие деньги, с чего бы им так шутить? Это не дети, и надо признать, не мой муж. Про опасность, грозящую Ромео, он не солгал, следовательно, ему можно доверять и

в остальном.

В голову не пришло ничего заслуживающего внимания, и, держа на руках своего толстого друга, я зашагала домой.

Возле почтового ящика притормозила и, помедлив, проверила его еще раз. Он был пуст, что неудивительно. Постояв в замешательстве, я поднялась к себе и весь день размышляла, не обращая внимания на телефон. После обеда еще раз сходила на кладбище, нашла склеп, сверила с фотографией в газете и, убедившись, что он тот самый, принялась рыскать рядом. Ничего подозрительного не обнаружила, впрочем, это не удивило: останки животных, конечно, успели убрать. «А бомжи испугались и где-то спрятались», — решила я и немного успокоилась. Однако влезла на кладбищенскую стену и оттуда попыталась рассмотреть свое кухонное окно. Конечно, я его видела и даже без бинокля, но определить, что за человек стоит у окна (если бы он там, к примеру, стоял), было бы невозможно, между тем это самое удобное место, если переместиться чуть дальше, окно и вовсе не увидишь. Кто бы ни написал мне эти дурацкие записки, к кладбищу, точнее, к кладбищенской стене он отношения не имеет.

Неизвестно чему порадовавшись, я вернулась домой. Приготовила себе ужин, то и дело глядя на часы и изо всех сил стараясь не думать о записке.

Ровно в семь я была возле окна. На этот раз открыла створку и даже высунулась, надеясь, что таким образом смо-

гу хоть что-нибудь да увидеть. Вблизи дома не было ни одного живого существа. Даже кот, посидев немного на углу, лениво поплелся в сторону кладбища, игнорируя зеленую лужайку.

Через десять минут я в большом гневе захлопнула окно, опустила жалюзи и вооружилась биноклем. Никого.

– Черт знает что такое! – выругалась я, швырнула бинокль на подоконник и ушла в комнату. Потом еще раз проверила сотенную купюру. Она была настоящая, сомнений нет, это не шутка: кому-то очень надо, чтобы я подошла к окну. Кому и зачем? За вчерашнее стояние возле окна мне сказали «спасибо» и даже прислали деньги. Сегодня я очень надеялась, что смогу разобраться с шутником, и вот, пожалуйста, ничего не произошло. Изводя себя все теми же мыслями, я отправилась на прогулку с Ромео, а вернувшись, непривычно рано легла спать.

Утром, как только меня разбудила собака, я бросилась вниз и заглянула в почтовый ящик. Ничего. «Ага», – сказала я себе, взяв Ромео под мышку. Гуляли мы дольше обычного, и пес на обратном пути даже задремал на моих руках, домой я не спешила, а войдя в подъезд, сразу же проверила ящик. Он был пуст.

– Что это такое, в самом деле? – разозлилась я. Весь день я размышляла, стоит ли подходить к окну, и периодически проверяла почтовый ящик. Никаких указаний.

Время стремительно приближалось к семи, а я так ничего и не решила, но, как только часы начали отбивать положенные семь ударов, бросилась в кухню и замерла возле окна. Ни души.

– Да что же это такое? – вторично возопила я с отчаянием и на этот раз стояла не меньше двадцати минут, надеясь, что неизвестный шутник себя проявит. Потом со злости хлопнула кухонной дверью, решив, что ноги моей там больше не будет.

Ночью я спала плохо, а утром вышла на прогулку, игнорируя почтовый ящик. Возвращаясь уже ближе к десяти, сразу же заметила, что в нем что-то есть, сердце стремительно скакнуло вниз, а я досадливо поморщилась, но поспешила открыть ящик. Сотня и записка: «Сегодня в 8.15. Ты очень красивая».

– Удивил, – скривилась я. Ясно, записку писал мужчина, женщине ни к чему делать мне комплименты. – Это шуточки Максима, – кивнула я, ни на секунду в это не поверив. Максим, конечно, иногда ведет себя довольно глупо, но он точно не псих, уж я-то знаю, а когда я спросила его о записках, он очень удивился и даже испугался. Нет, это не он, это какой-то другой сукин сын, которому нечем заняться...

Весь день прошел в размышлениях. На звонки я по-прежнему не отвечала, а когда Максим оставил сообщение, что после работы заедет, я, подхватив Ромео, спешно покинула жилище: «после работы» это вовсе не значило после рабо-

ты, он мог появиться в любой момент, а встречаться с ним я сейчас не хотела.

Ближе к восьми я возвращалась домой и замерла на углу в крайней досаде: возле моего подъезда стоял очень хорошо мне знакомый «Мерседес», а в нем сидел муж. «Какое свинство!» – гневно подумала я и решила отчитать его как следует, но в последний момент свернула в соседний двор и устроилась там на скамейке.

– Уезжай немедленно, – шипела я, очень надеясь, что обладаю хоть небольшим даром телепатии. – Уезжай...

Как бы не так. Мой муж – человек совершенно невозможный, ему надоело сидеть в машине, он ее покинул и начал прогуливаться возле дома, проскочить незамеченной не удастся, а время поджимало... Я взглянула на часы и охнула: 8.25. Даже удивительно, как меня это раздосадовало. Я кинулась к своему подъезду, совершенно не обращая внимания на Максима.

– Аня! – крикнул он и даже пробежал несколько метров веселой рысью.

– Что ты здесь делаешь? – сдвинула я брови.

– Жду тебя, – удивился он. – Я звонил. Ты проверяла автоответчик?

– Нет. У меня еще не было времени.

– А чем ты занята? – удивился муж.

– Как будто у меня нет дел, – проворчала я, косясь на часы. Можно было не торопиться, хотя... – Ладно, пошли, –

вздохнула я и зашагала к подъезду.

Утром записки не было. Я топнула ногой, а потом устроила нагоняй Ромео за то, что он ленив и еле двигается. Пса стало жалко, и я взяла его на руки.

День выдался какой-то нервный, читать не хотелось, а все предметы непостижимым образом валились из рук. Около шести я задумалась, стоит ли подходить к окну? Почему бы и нет? Что я, к собственному окну не могу подойти? Например, в семь, а потом и в восемь пятнадцать. Мое окно, хочу – подхожу, хочу – нет... Я подумала о почтовом ящике и решила еще раз его проверить. До сих пор записки приходили утром, но кто знает... Записка была вместе с неизменной сотней, но почерк другой. Это насторожило, и я прочитала записку несколько раз: «Что случилось? Сегодня в 8.15. Ладно?»

– Ладно, – кивнула я и поднялась к себе, Ромео стоял на пороге и взирал на меня с непониманием.

В восемь пятнадцать я была возле окна и пялилась в никуда не менее получаса, но так и не приблизилась к разгадке происходящего. Потом села за стол и начала писать письмо или ответную записку, это уж кому как нравится. «Кто вы? – старательно выводила я на дорогой бумаге розового цвета. – Что означает эта странная шутка? Перестаньте посылать мне деньги, я в них совершенно не нуждаюсь. Если вы не пожелаете объяснить мне, в чем дело, я перестану выполнять ва-

ши непонятные просьбы». Перечитав записку несколько раз, я осталась довольна, подколола к ней деньги скрепкой и спустилась к своему почтовому ящику. Положила в него записку, а дверцу прикрыла не очень плотно.

– Он должен это заметить и поинтересоваться, – решила я и удалилась.

Он не поинтересовался, записка три дня пролежала в ящике никому не нужная. Даже деньги никто не свистнул... Шутник никак себя не проявил, моей записки взять не пожелал и своей не оставил.

Я разозлилась и два вечера подряд ходила в театр одна. Ромео в театр не возьмешь, а видеться с кем-нибудь мне не хотелось. Наконец утром четвертого дня пришла записка. Я открыла ящик, увидела свое послание, стиснула зубы и тут заметила тетрадный лист. Почерк прежний. «Извини. Были проблемы. Жду ровно в семь».

– Вот и жди, – отрезала я и подумала, а не сходить ли еще разик в театр, но ровно в семь стояла возле окна, впрочем, опять-таки безо всякого толку.

В половине восьмого я заварила чай покрепче и сказала, глядя на собаку, за неимением другого собеседника:

– Хорошо. Он не желает показаться, но эти записки каким-то образом попадают в мой ящик? Мы выследим этого типа...

Утром я разбудила Ромео, и мы вышли гулять. Пес зевал и смотрел на меня без одобрения. Кроме нас, в такую рань

на прогулку отправился только соседский кот, хотя, возможно, он с нее возвращался. Я села на скамейку возле подъезда и раскрыла книгу, предложив Ромео побегать по двору. Бегать он не любил, поэтому забрался под лавку и уснул. Где-то через час стали появляться люди. Я продолжала увлеченно читать, а Ромео спать. Ближе к обеду он выбрался из-под лавки и принялся застенчиво скулить. За время сидения я познакомилась с тремя соседками и их животными, но ничего полезного для себя не узнала. Проверила почтовый ящик: пусто, что неудивительно, личности подозрительной наружности в подъезд не входили.

Наспех перекусив и накормив пса, я вернулась на скамейку, предварительно проверив ящик. Сидела я до десяти вечера, объяснив любопытным старушкам, что накрасила в квартире полы и спасаюсь от запаха.

На скамейке в окружении старушек меня и обнаружил Максим. Мы поднялись в квартиру.

– Что ты там делала? – не выдержал он.

– Где?

– На скамейке.

– Дышала свежим воздухом. После статьи в газете я не отпускаю Ромео одного, это просто чудо, что его до сих пор не съели.

Муж долго меня разглядывал и безуспешно пытался что-то понять, совершенно напрасно, между прочим, я и сама себя не понимала.

Три дня я просидела на скамейке. За это время услышала потрясающие комментарии к последним политическим событиям, но к разгадке тайны, так занимавшей меня, не приблизилась даже на полшажочка. Почтовый ящик был пуст, а я, как частный детектив, терпела полное поражение.

Утром четвертого дня я спала до восьми и перед выходом на прогулку ящик принципиально игнорировала, но через час заглянула в него и ахнула: листок в клетку, скрепочка и на этот раз две сотни. «Что случилось? – вновь вопрошал неизвестный. – Сегодня в восемь. Хорошо? Очень прошу».

– Нет, ты полюбуйся! – всплеснула я руками, обращаясь к любимому животному. – Как, по-твоему, эта дрянь сюда попала? – Ромео начал скулить, преданно глядя мне в глаза, тряхнул ушами и тяжело вздохнул. Я стала подниматься по лестнице, рассуждая вслух, а Ромео неловко запрыгивал на ступеньки и поглядывал на меня с сочувствием. – Должно быть, он за нами следил и видел, что мы дежури́м у подъезда. А сегодня ночью прокрался и оставил записку. Ужасно хитрый тип, ты не находишь? Пожалуй, сидение на скамейке нам ничего не даст. Тут требуются меры посущественнее.

Ближе к вечеру я стала размышлять, стоит ли подходить к окну. Три вечера подряд я сидела на скамейке и сторожила своего корреспондента, а он, видимо, надеялся меня увидеть... Черт возьми, откуда он за мной наблюдает?

Я придвинула телефон и принялась обзванивать всех знакомых, надеясь, что у кого-то найдется полевой бинокль. Он

нашелся, но в настоящее время был довольно далеко, на даче моей подруги Наташки. Завтра она обещала его привезти, а вот сегодня нет – и все тут. В пустых разговорах время пролетело незаметно, часы начали бить восемь, а я бросилась в кухню, замерла, глядя в окно, пытаюсь уловить хоть какое-то движение, и шептала побелевшими от злости губами: «Где же ты, черт тебя возьми? Ну давай, покажись мне!»

В половине девятого я покинула кухню в состоянии, близком к истерике. Так подло со мной еще никто не поступал. Устроилась в кресле, поразмышляла, глядя в потолок, и твердо решила: завтра же найму частного детектива. Он этого шутника мигом выведет на чистую воду. Утром куплю газеты и буду осваивать объявления.

Частный сыщик не понадобился. Возвращаясь с прогулки, я решила обследовать лужайку перед домом. Вдруг удастся обнаружить нечто, способное подтолкнуть меня к разгадке? Я совсем было собралась со всей тщательностью осмотреть каждый сантиметр лужайки, завернула за угол и совершенно неожиданно столкнулась с рослой брюнеткой неопределенного возраста, в бикини. Она обильно смазывала себя маслом для загара и что-то напевала под нос.

В том, что женщина решила позагорать, конечно, не было ничего особенного, но я-то привыкла видеть лужайку абсолютно необитаемой и, обнаружив здесь человека, смутилась и даже растерялась.

– Какая собачка, – сказала женщина, заметив Ромео, и пе-

ревела взгляд на меня, а я улыбнулась и поздоровалась.

– Решили позагорать? – спросила я, хотя можно бы и не спрашивать: чем еще может заняться женщина в бикини, если у ее ног разложено полотенце, а в руках баночка с маслом? Но женщина не сочла мой вопрос глупым и охотно кивнула.

– Погодка самая подходящая, у меня утро свободное, а на речку ехать далеко.

– Да... – неопределенно кивнула я, силясь что-нибудь придумать для объяснения вспыхнувшего интереса к лужайке перед домом.

– А вы, значит, с собачкой гуляете? – спросила женщина. Как видно, она не прочь была поболтать.

– Ромео потерял здесь мячик, вот хотела посмотреть...

– Посмотрите, только вряд ли чего найдете, все утро детвора бегала.

Женщина устроилась на полотенце, а я стала тщательно обследовать лужайку. Не знаю, что я ожидала обнаружить, но не нашла абсолютно ничего. Ромео с несчастным видом помогал мне изо всех сил, но успехом похвастать тоже не мог.

Я злобно посмотрела на свое кухонное окно и от души пожелала ему провалиться. Правда, быстро одумалась и попросила Провидение не принимать мои слова буквально, тем более что произнесены они были в сердцах и по большому счету на них вовсе не стоило обращать внимания. Женщина приподнялась на локте и крикнула:

– Нашли?

– Нет. Должно быть, действительно дети взяли...

– Конечно, дети... Костер задумали разжечь, в такую-то жару. Тетя Клава их прогнала, так они пререкаться начали. Из соседнего дома детня, все как на подбор шпана. Так через забор и просятся, – кивнула она на каменную стену тюрьмы, в погожий летний денек выглядевшую особенно мрачно.

Я слушала женщину, кивала и ждала, когда можно будет проститься и уйти.

– А вы из двадцать девятой квартиры? – без перехода спросила она. – Меня Машей зовут. А вас?

– Аня. Да, я из двадцать девятой.

– Недавно переехали?

– В общем, да...

– С мужем?

«Господи, какая любопытная».

– Я живу одна, – ответила я с достоинством.

– А окна сюда выходят?

– Да...

– Повезло, – вздохнула Маша с заметной печалью. – Пятый этаж, окна сюда выходят, и без мужа... А у меня три окошка и все во двор.

Я немного растерялась, не видя особого повода для переживаний, но разговор меня вдруг заинтересовал, я присела рядом и спросила:

– Чем же вам двор не нравится? Окна у вас на светлую сторону, и дворик, по-моему, очень симпатичный.

– Оно, может, и так, – согласилась моя собеседница, – только ведь от этого двора никакого проку.

– А какой прок от моего окна? – проявила я любопытство. Женщина посмотрела с озорством, хихикнула и спросила:

– А то не знаете?

– Нет, конечно, – растерялась я.

– Да? – она вроде бы тоже растерялась. – Ну... скоро узнаете...

– А нельзя узнать сейчас? – нерешительно сказала я, чувствуя, что нахожусь на пороге разгадки своей тайны. – Вы меня так заинтриговали... Так что ж хорошего в моих окнах?

Она хохотнула, покачала головой и задала очередной вопрос:

– Вам записки не передавали?

Тут меня просто оторопь взяла, и я с трудом промямлила:

– Да. Странные такие... Просили подойти к окну...

– А вы подходили?

– Да, – в этом месте я неожиданно пунцово покраснела.

– А раздеться просили?

– Как это? – опешила я.

– Ну... раздеться... стриптиз, одним словом?

– Нет...

– Странно... А деньги оставляли?

– Оставляли...

– Чего ж тогда раздеться не просили? Чудно...

– Да кто просил-то? – не выдержала я. – Я имею в виду, чьи это дурацкие шутки?

– Хороши шутки, – обиделась Маша. – Да у нас полдома на эти «шутки» живут. И как живут. Припеваючи. Вот Верка Тюлькина машину купила, а пятый год безработная.

– Как же она машину купила? – окончательно обалдев, спросила я.

– Так вот на эти деньги. Подойдет к окну, разденется, покрутится малость, и всех делов. Это не на фабрике возле станка горбатиться, да еще задаром...

– Конечно, задаром горбатиться ужасно, – согласилась я. – Только вы так и не объяснили, кому надо, чтобы эта Тюлькина так себя вела, раздевалась у окна и все прочее...

Маша посмотрела на меня так, точно я ляпнула величайшую в мире глупость, я даже глаза опустила и растерянно кашлянула, а она покачала головой, потом ткнула пальцем в стену напротив и спросила:

– Это что, по-вашему?

– Что? – испугалась я.

– Тюрьма, – вздохнула Маша. – Мужики сидят. Бывает, и подолгу. А тут дом совсем рядом. Свет включи, шторы не задергивай, и все как на ладони. В их-то положении и журнальчик полистать за радость, а тут живая баба...

– Боже мой! – простонала я, на этот раз бледнея. – Какая низость...

– Что? – нахмурилась Маша, а я решила прояснить еще кое-что:

– Но если человек в тюрьме, как же записки и деньги попадают к женщинам?

– А я почему знаю? Может, дружки на воле или еще чего... были бы деньги, а придумать можно что угодно... В вашей квартире раньше бабенка жила, так один тип ей пять лет письма писал. Она уж привыкла и вроде ждать его начала. Освободился и сразу к ней. И такой мерзавец оказался, не чаяла от него избавиться. Так и уехала в деревню к матери... Но ей просто не повезло. Остальные очень довольны. Акимова из двадцать восьмой квартиры с мужем, а тоже подрабатывает. Свой-то у нее пьяница, zenки зальет и на диване дрыхнет, а она по комнате бродит, вроде дело у нее какое, а шторы-то не задергивает. Так этот дурак, муж то есть, до сих пор ничего не знает. А у меня мужа нет, зато все окна во двор...

– Не повезло, – брякнула я, подхватила Ромео и зашагала к подъезду.

Моему возмущению не было предела. Боже мой, я, как последняя дура, торчала у окна, без конца думала об этих записках, и вдруг... Какой-то гнусный тип меня использовал... посмел прислать деньги... да я мужу нажалуюсь... Негодяй... Он у меня из этой тюрьмы не выйдет...

Я влетела в квартиру и опустила жалюзи на окнах. Потом вдруг вспомнила, что примерно месяц назад, когда отопле-

ние было включено, а на улице царила жара, я, вернувшись домой, целый вечер бродила нагишом, а жалюзи тогда у меня еще не было. Были тюлевые шторы, а вот свет горел... Боже, какой стыд... Должно быть, этот мерзавец заметил меня и решил, что я все делаю нарочно, вот и прислал деньги... Нет, я не переживу такого позора... Сколько их там на меня смотрело? Ужас какой... Я, дура несчастная, гадаю, кто этот странный тип, а все так просто, некрасиво и лишено романтизма.

Я совсем было собралась звонить Максиму, но вовремя одумалась. Да если он узнает, я со стыда сгорю. Максим прав, я – кактус. Только человек, начисто лишенный мозгов, мог забыть, что у него под окнами тюрьма. А я-то подозревала кладбище... Не думать об этом, немедленно забыть, а главное – переехать! Повод есть: статья в газете, я не хочу, чтобы Ромео съели.

Выпив три чашки кофе, я еще немного пострадала, а потом решила написать письмо. Человек должен понять, как оскорбительно его поведение и сама мысль о том, что меня использовали. И пусть заберет свои деньги.

«Я не знаю вашего имени и не хочу знать, – так начала я. – Вы совершили отвратительный поступок...» – и далее в том же духе, письмо не очень длинное, но очень эмоциональное. Надеюсь, оно отобьет охоту совать в мой почтовый ящик всякую дрянь.

Закончив свои труды, я отнесла письмо вниз: у окна появ-

латься не буду, в конце концов этому типу надоест швырять деньги на ветер, и он будет вынужден обратить внимание на мое письмо.

Я с облегчением вздохнула и, взяв с собой Ромео, поехала на речку, день чудесный, и погреться на солнышке будет приятно, а заодно избавиться от скверных мыслей.

Неделю ничего не происходило, то есть кое-какие незначительные происшествия были: к примеру, я потеряла ключи от квартиры, и пришлось менять замки, только-только их поменяли, как ключи сразу же нашлись, и не где-нибудь, а в моей сумке.

Еще я оставила Ромео в кафе. Он умудрился уснуть под столом, а я забыла, что вышла из дома с ним. Так как в квартире собаки не оказалось, я решила, что Ромео похитили, позвонила в милицию, а затем мужу. Милиция проявила равнодушие, а супруг примчался с какими-то подозрительными типами и решил вновь менять замки, я вспомнила про кафе, мы поехали туда и обнаружили Ромео, он тихо-мирно продолжал спать под столом.

Я немного поскандалила с хозяином кафе, указав на невнимательное отношение к клиентам, то есть к их собакам, мы вернулись домой, замки менять не стали, и слава богу — у меня уже скопилось столько ключей...

Еще за эту неделю я трижды ссорилась с Максимом, потому что ощущала некоторую нервозность, а он всегда некста-

ти оказывался под рукой. Жалюзи на окнах я не поднимала, в почтовый ящик не заглядывала и, проходя мимо него, принципиально отворачивалась.

Поздно вечером в воскресенье я возвращалась от Лильки. С Максимом мы поссорились накануне, и он уехал к своим родителям в соседний губернский город. Родителям он о предстоящем разводе не сообщил и очень настойчиво звал меня с собой, я отказалась, он разозлился и в результате уехал один, а я все воскресенье провела у Лильки на даче, где совершенно не знала, чем себя занять, потому что шел дождь, а подружка без конца приставала ко мне с расспросами о работе, вконец подрывая мою нервную систему.

Я подумывала, может, стоит рассказать ей о записках и деньгах, но не решилась и даже покраснела при мысли, что кто-то узнает о моем позоре. В общем, выходные прошли скверно, и, возможно, именно поэтому, возвращаясь от подружки, я заглянула в почтовый ящик. Он был пуст. Не меньше минуты я созерцала эту самую пустоту и вдруг начала злиться. То, что мое письмо прочли и вняли доводам разума, конечно, хорошо, но приличные люди в таких случаях извиняются. «Странно ожидать от подобного типа хороших манер», – мудро рассудила я, захлопнула ящик и быстро поднялась вверх, причем дважды умудрилась наступить Ромео на лапу, что говорило о некотором волнении.

Крохотная квартира вызвала раздражение, гора грязной посуды в мойке, оставленная со вчерашнего дня, – отворачи-

ние, а в целом жизнь казалась начисто лишённой смысла.

Я забралась в кресло, включила телевизор и попробовала посмотреть какой-то детектив, убийцу узнала за сорок минут до конца картины и начала злиться на непонятливость персонажей, а потом на глупость режиссера и сценариста. Положительно, мир сегодня ни на что не годился.

С горя я решила лечь спать. Вот тут и зазвонил телефон. «Максим», – подумала я, соображая, включить автоответчик или не стоит. В любом случае муж все равно придет, чтобы лично убедиться в том, дома я или нет, так что хитрить не имело смысла. Я сняла трубку и без намека на любезность сказала:

– Слушаю.

– Привет. – Голос звучал хриловато: то ли мужчина был простужен, то ли просто взволнован.

– Привет, – растерялась я, но тут же взяла себя в руки и спросила: – Кто вы?

– Какая разница, ты все равно меня не знаешь.

– В таком случае всего доброго, – отрезала я, собравшись повесить трубку, но он вдруг попросил:

– Пожалуйста, подожди... – причем голос звучал так, что отказать я не смогла и трубку не повесила. – Что-нибудь случилось? – помедлив, спросил он.

– В каком смысле? То есть что вы имеете в виду?

– У тебя жалюзи опущены...

Я хлопнулась в кресло от неожиданной догадки, отдыша-

лась, прикрыв трубку ладонью, и сурово спросила:

– Так это вы?..

– Я, – очень просто ответил он.

– Вот что... не знаю вашего имени, впрочем, не имеет значения. Я хочу, чтобы вы знали: вы совершили бесчестный поступок. Это отвратительно. Это черт знает что такое. Мне рассказала соседка, что за гнусности у вас здесь творятся. Не смейте мне звонить и писать не смейте, не то я нажалуюсь мужу, он известный человек в городе, он вас...

– Я знаю, – вздохнул тип на том конце провода. – Он меня превратит в лягушку. Точно?

– Ну, в общем, да...

– Что гнусного в том, чтобы постоять у окна...

– Прекратите, – рассвирепела я. – И не считайте меня идиоткой. Ваши деньги у меня, скажите, куда их отправить?

– Можешь их просто выбросить, – посоветовал он, вздохнул и попросил: – Подойди к окну, пожалуйста... Очень прошу.

– Нет, это даже странно, – возмутилась я. – Я вам как будто бы все объяснила...

– Просто подойди к окну, что в этом плохого? И это совсем не трудно. Так ведь?

Тут я кое-что сообразила, нахмурилась и выпалила:

– Но вы не можете звонить, то есть не можете вы звонить из тюрьмы?

– Могу, – порадовал он.

– Такого не бывает, – разозлилась я. – Вы меня дурачите. Это вообще глупость какая-то и дурацкий розыгрыш.

– Это не глупость, – сообщил он, голос приобрел странное звучание, я бы сказала: он завораживал. – Если бы ты знала, чего мне стоил этот звонок... Я неделю тебя не видел. А здесь один день тянет на десять. Извини за эти деньги. И подойди к окну, пожалуйста.

– Сейчас подойти? – кашлянув, спросила я.

– Нет, через полчаса.

– Ваши окна напротив, то есть я хотела сказать...

– Примерно так, – хохотнул он. – Тебя зовут Аня?

– А это совершенно не ваше дело, – рассвирепела я, но тут же устыдилась и добавила спокойнее: – Я подойду к окну, если вы пообещаете, что прекратите все это, то есть что с подобной просьбой обращаетесь в последний раз.

– Не люблю я обещания, ты уж извини. А этот высокий парень твой муж?

– Муж, – ответила я. – А откуда... – Господи, сколько же времени этот тип следил за мной, а я, совершенно не обращая внимания на окна, то есть на отсутствие на них плотных штор, жила себе как ни в чем не бывало...

– Симпатичный, – заявил мой собеседник, в трубке на мгновение возник еще чей-то голос, и он торопливо со мной простился, скороговоркой попросив: – Через полчаса, ладно?

Я повесила трубку и уставилась на Ромео, он вильнул хво-

стом, а потом залез под стол и больше не показывался, между прочим, правильно сделал.

А я позвонила Максиму.

– Ты вернулся? – поинтересовалась я для приличия и спросила: – Скажи, а из тюрьмы можно позвонить?

– В каком смысле? – растерялся муж.

– В буквальном.

– Что-то я не понимаю...

– Чего ж не понять? К примеру, меня посадили в тюрьму. Я могу позвонить?

– Кому?

– Хотя бы тебе?

– О господи... Что ты натворила? Что за странные мысли?

– Я ничего не натворила, я просто пытаюсь узнать, можно ли позвонить из тюрьмы, а ты начинаешь спрашивать всякие глупости...

– По-моему, это ты спрашиваешь глупости. И почему это вообще пришло тебе в голову? Немедленно расскажи, что случилось... Ты дома? Я сейчас приеду.

«Черт знает что такое!» – швырнув трубку, в сердцах подумала я.

Максим появился где-то через полчаса, я в это время как раз стояла у кухонного окна, так что ему пришлось немного понервничать. Он долго звонил, а потом принялся стучать в дверь, и я пошла открывать, пока он не разбудил весь подъезд. Максим влетел в квартиру, вцепился в мои плечи

и спросил:

– Все в порядке?

– Ты же видишь, – нахмурилась я, опомнилась и опустила жалюзи.

Мой странный интерес к тюрьме не давал мужу покоя, несколько раз он подозрительно таращился на стену, а еще чаще на меня, хмурился и приставал с вопросами. Потом очень сурово заявил:

– Тебе здесь не место. Сначала чуть не сожрали Ромео, а теперь ты задаешь странные вопросы. Тебе кто-нибудь звонил? – помедлив, добавил он. А я подняла брови:

– Из тюрьмы?

– Не делай из меня идиота, почему-то этот вопрос пришел тебе в голову?

– В мою голову иногда приходят очень странные мысли.

С этим муж вынужден был согласиться, но все равно задумался и все чаще и настойчивее стал повторять, что я должна переехать, то есть вернуться в наш дом. Если честно, я и сама об этом подумывала, но тут произошло нечто такое, что с возвращением пришлось повременить.

Шел двадцать четвертый день с того памятного звонка по телефону, я собиралась отдохнуть в Турции, но потеряла загранпаспорт, пока его выправляли, к Максиму приехал двоюродный брат из Германии. Отпускать меня на отдых од-
н муж не хотел, и перед родственником было неудобно, в

общем, поездку отложили, и мы по этому поводу немного повздорили. Я целую неделю жила у Лильки, на звонки не отвечала и, так как была сильно расстроена, забыла о дате, на которую был назначен наш развод. Максим о нем тоже не вспомнил, и это меня очень разозлило. Хождение по инстанциям кому хочешь испортит настроение, а про меня и говорить нечего. Все складывалось просто из рук вон плохо, Лилька допекала с работой, мама советовала немедленно вернуться к мужу, и я сбежала на свою квартиру, чтобы никого из них не видеть и не слышать. Так как погода стояла скверная, шли дожди и столбик термометра не поднимался выше пятнадцати градусов, я запаслась провизией, купила пять любовных романов, десять детективов и намертво засела в доме.

Затворничество действовало на меня самым благотворным образом: я жила в ладу со всем миром, а главное, сама с собой. Существовало лишь одно неудобство. Надо было гулять с Ромео, следовательно, покидать жилище и встречаться с людьми. Чтобы до минимума сократить это общение, мы выходили очень поздно, когда двор пустел. Я садилась на скамейку и ждала, когда Ромео надоест общаться с природой. Ромео не любил дожди, поэтому много спал и прогуливался с заметной неохотой. В общем, мы прекрасно понимали друг друга.

В тот вечер разразилась настоящая гроза, молния сверка-

ла так, что хотелось забраться под одеяло и не высовывать оттуда носа. Дождь бил в окно, а в комнате стало так темно, что свет пришлось включить в шесть часов вечера.

Ближе к десяти дождь чуть приутих, меня клонило в сон, но тут заволновался Ромео, и мы решили с ним немного пройтись.

Двор был совершенно пуст, даже машин на стоянке не было, мы шлепали с Ромео по лужам, он посматривал на меня, а я улыбалась. Возникло чувство, что во всем мире существуют только он и я, и это в те минуты казалось приятным.

Мы дошли до кладбища и, свернув, преодолели еще несколько кварталов. Не только мне, но и Ромео не хотелось возвращаться домой. Капли по моему зонту застучали чаще и настойчивее, вновь начался ливень, и мы бросились домой со всех ног, причем, я, хохоча, а пес, жалобно поскуливая.

Дома я вымыла Ромео и сама полежала в горячей воде, затем мы выпили по стакану теплого молока и легли спать. Ромео мгновенно заснул и начал похрапывать, я блаженно вздохнула и выключила настольную лампу.

Мне снилось море и белые яхты, сквозь этот сказочный сон до меня отчетливо доносилось тихое поскуливание. Ужасно не хотелось просыпаться, но пришлось.

Я открыла глаза и тихонько позвала:

– Ромео...

Затем села в постели. Пса в ногах не было, я позвала громче, и он откликнулся, высунул нос из-под кровати, стыдливо

потупив глазки.

– Что ты там делаешь? – удивилась я и попробовала его вернуть на законное место, раз уж у меня хорошее настроение.

Пес заскулил громче и жалостливее, но из-под кровати не вылез.

– Ну и сиди там, – обиделась я. – И не вздумай меня разбудить, запру в ванной.

Я устроилась поудобнее, натянула одеяло по самые уши, и тут... Шорох, легкий ветерок, словно открылась дверь. Ромео жалобно всхлипнул, а я вдруг испугалась. Сердце запрыгало в ребрах, спина похолодела, а волосы вроде бы встали дыбом. «Что за чушь? – попробовала я урезонить себя. – Я не верю в привидения, а если этот мерзавец не прекратит скулить, в самом деле запру его в ванной».

– Ромео, – позвала я, но почему-то шепотом, потом приподнялась, осторожно повернулась и замерла, выпучив глаза. Рядом с постелью кто-то стоял, точнее, сидел на полу. Говорю «кто-то», потому что в первое мгновение в темноте, да еще с перепугу, я не поняла, что за чертовщина происходит, лишь почувствовала: совсем рядом, буквально в нескольких сантиметрах от моего лица, кто-то есть. Я даже чувствовала дыхание и смутно различала очертание головы. – Это что еще за глупость такая?! – собравшись с силами, крикнула я и протянула руку, чтобы включить лампу. Теплая ладонь легла на мои пальцы, и мужской голос тихо попросил:

– Пожалуйста, не включай свет.

«Вот это да», – мысленно ахнув, я дважды моргнула, а потом попыталась разглядеть лицо человека напротив, потому что голос я узнала сразу. Хрипловатый, точно мужчина был простужен, но звучал он нежно и даже умоляюще, должно быть, поэтому я перестала бояться и разозлилась на Ромео, который, забившись под кровать, продолжал жалобно скулить.

– Прекрати сейчас же и вылезай оттуда, просто невероятно, что ты такой трус.

– Как его зовут? – спросил мужчина.

– Ромео, – ответила я и добавила: – Если вам не трудно, подайте мне халат.

Халат он подал, для этого ему пришлось подняться и сделать несколько шагов в сторону кресла. По тому, как он двигался, я сделала вывод, что мужчина, должно быть, молодой, и сосредоточилась на его лице, изо всех сил пытаюсь хоть что-то разглядеть.

– Это вы? – на всякий случай поинтересовалась я, надев халат.

– Я, – он вроде бы улыбнулся.

– И как вы считаете, это нормально, вот так, среди ночи, без приглашения заявиться сюда, напугав до смерти мою собаку?

– Чего уж тут нормального, – вздохнул он. – Но у меня вроде нет другого выхода.

– Что за выход вы имеете в виду? – подняла я брови.

– Видишь ли, я сегодня уезжаю... далеко. И мне хотелось попрощаться.

– Со мной? – несказанно удивилась я.

– С тобой.

– Даже не знаю, что на это ответить. Но если это так важно для вас, хорошо, прощайте. И не забудьте запереть входную дверь, ключи у вас, наверное, с собой, раз вы смогли войти.

Он ничего не ответил, взял мою ладонь и легонько сжал. Глаза понемногу привыкли к темноте, и теперь я смутно различала его лицо. Парень сидел на полу, привалившись спиной к тумбочке, и смотрел на меня.

– И долго вы будете прощаться? – нахмурилась я.

– Ты очень красивая, – заявил он в ответ.

– Должно быть, зрение у вас, будто у кошки, я вот ничего не вижу.

– Можно включить лампу, – заметил он. – Но это опасно, наверняка обратят внимание...

– Кто? – не поняла я, и тут до меня наконец дошло: – Вы что, сбежали? – разом перешла я на зловещий шепот.

– К сожалению, отпуска там не положены, – мотнул он головой в сторону окна.

– Что, в самом деле сбежали? – Кажется, я совершенно неприлично вытаращила глаза, хорошо, что в темноте он меня плохо видел. – Да вы с ума сошли. А если поймают?

– Я сейчас уйду. К тому же им в голову не придет искать

меня здесь.

– Вы сумасшедший, – покачала я головой. – Вас могут поймать и, наверное, накажут. Зачем же ухудшать свое положение?

– Я не видел тебя месяц, – заявил он. – То есть двадцать четыре дня. Жалюзи всегда опущены, а угол дома мне не виден. Раньше ты ходила гулять со своим Ромео и шла в сторону «Гастронома», тогда я успевал тебя увидеть. Пара секунд, но и это здорово. А всю эту неделю ты там не показываешься, я подумал, вдруг ты уехала?

– Но ведь не поэтому же вы сбежали? – растерялась я.

– Мне там, в принципе, не нравилось, – заявил он. – А за эти дни вообще тошно стало, хоть волком вой, вот я и решил...

– Что за чепуху вы говорите? – Он все еще держал мою ладонь в своей, и это начинало тревожить.

– Какая уж тут чепуха, – вздохнул он, усмехнулся и добавил: – Не гони меня, ладно? Я сам уйду. Пару минут, не больше. Мне давно пора рвать когти из города, но уж очень хотелось тебя увидеть.

– Да? – сказала я неопределенно, теряясь в догадках, как следует относиться к его словам. С одной стороны, это, конечно, безобразие: является среди ночи какой-то сумасшедший и говорит глупости, с другой стороны, выходит, в том, что он удрал из тюрьмы, есть и моя вина. – Слушайте, как вас зовут? – додумалась спросить я.

– Сергей, – ответил он, выпустил мою руку, приподнялся,

обнял меня за плечи и поцеловал.

Ромео завизжал, тонко и жалобно, а я прямо-таки обалдела. Не в том смысле, что поцелуй произвел потрясающее впечатление, впечатление произвела чужая наглость. «Это что вообще такое?» – хотела спросить я, но не успела, мой ново-явленный воздыхатель поднялся с пола и всецело сосредоточился на мне. Я попыталась высвободиться и даже сказать, что я об этом думаю, но говорил по большей части он, причем, надо признать, сумел-таки произвести впечатление. Хотя далеко не все выражения я безоговорочно могла бы причислить к средневековой любовной лирике. Нет, некоторые слова слегка настораживали и даже смущали, наводя на размышления, а его поведение уже не просто настораживало, оно, черт побери, просто никуда не годилось. Но каждый раз, когда я собиралась заявить об этом, оказывалось, что сделать сие невозможно, в том смысле... ну, вы понимаете. Потребовалась вся сила воли, чтобы прекратить все это.

Я смогла освободиться, отодвинуться и даже сказать:

– Немедленно перестань. Я тебя знать не знаю. Твое поведение ни на что не похоже.

Я сидела в постели, тоже ни на что не похожая, растрепанная, растерянная, щеки пылали, дыхание не восстанавливалось, а голос предательски дрожал. Ответил он мне своеобразно, то есть словесно вовсе не стал отвечать и вообще очень беспокоил, поэтому я решила напомнить о насущном.

– Слушай, тебе опасно здесь находиться. Ты же сам гово-

рил, что пора рвать ноги, или что там обычно рвут. Я думаю, самое время.

Неожиданно он включил настольную лампу, отчего я зажмурилась, а открыв глаза, наконец увидела его: он сидел напротив, щурился и смотрел на меня. Я захлопала ресницами и, запинаясь, произнесла:

– У меня есть муж. Правда, мы сейчас живем отдельно, но все это ерунда, просто у меня скверный характер и мне нравится портить людям жизнь.

Сергей протянул руку и коснулся пальцами моей щеки, коснулся так нежно, что я неожиданно для себя заревела, хотя лить слезы занятие глупое, я его очень не люблю и реветь могу лишь в исключительных случаях, причем только от обиды.

– Уходи, – попросила я. – Уходи, я боюсь...

Через полминуты я открыла глаза, он кивнул, подхватил с пола одежду и вышел из комнаты.

Я накинула халат и выскользнула следом. Включив в ванной свет, он торопливо одевался, а я ахнула:

– Ты не можешь идти в таком виде.

Он улыбнулся и пожал плечами, а я стрелой метнулась в комнату. В шифоньере были кое-какие вещи Максима, он их оставлял, вроде бы по забывчивости, а я делала вид, что этого не замечаю. На самом-то деле ему хотелось постоянно присутствовать в моей жизни, а я ничего не имела против.

Через несколько минут я появилась в ванной с ворохом

одежды.

– Думаю, это подойдет, – произнесла я шепотом.

Одежда в самом деле подошла. Было странно видеть в джинсах и свитере мужа совершенно чужого человека.

Чтобы не забивать себе голову подобными соображениями, я вновь метнулась в комнату, отыскала шкатулку, в которой хранила деньги, и вернулась к Сергею.

– Вот, возьми. Тебе пригодится.

– Не надо, – он покачал головой, надевая куртку.

– Что значит не надо? – разозлилась я. – У тебя ведь нет денег? А у меня сколько угодно. И я совершенно не знаю, что с ними делать, так что бери, не стесняйся... К тому же здесь есть твои, те, что ты присылал.

– Этого добра у меня полно, – вдруг заявил он.

– Какого? – не поняла я.

– Денег, – пожал он плечами и добавил совершенно неожиданно: – Поедем со мной, а?

– Куда это? – растерялась я.

– Какая разница? Мир большой. Поедем? Клянусь, ты не пожалеешь...

– Да ты с ума сошел... – Я вздохнула и покачала головой. Как еще продемонстрировать удивление чужой бестолковостью, я не знала и, должно быть, поэтому нахмурилась, кашлянула и поинтересовалась: – Как ты собираешься покинуть город?

– Не беспокойся... – в ответ нахмурился он.

– Как это не беспокоиться? – удивилась я. – Я имею в виду... Черт знает, что я имею в виду... У тебя есть машина?

– Найду, – усмехнулся он.

– Это не годится. – Я еще немного побегала туда-сюда и заявила: – Я быстро.

Оделась я действительно в рекордно короткое время. Из-под кровати вылез Ромео и поплелся к двери, решив, наверное, что я собралась на прогулку.

– Чего тебе надо, несчастный трусишка? – возмутилась я, но вдруг передумала, взяла зонтик и подхватила на руки собаку. – Идем, – сказала я Сергею.

– Куда? – вроде бы удивился он.

– Куда-куда, за машиной. Не собираешься же ты рвать свои когти ногами? По-моему, это очень глупо и к тому же опасно.

– Слушай, не стоит тебе влезать во все это, – поморщившись, сказал он.

– Разумеется. Только когда ты вломился в квартиру, поинтересоваться моим мнением забыл, а теперь я уже влезла, так что держи Ромео, и пошли. Мужчина поздней ночью под руку с женщиной, да еще с собакой, выглядит не так подозрительно, а машина у меня на стоянке, здесь недалеко.

Сережа взял собаку на руки, и мы покинули квартиру. До стоянки шли молча, чему я очень радовалась, так как совершенно не знала, о чем можно говорить в такой ситуации. На стоянке горели прожектора, лениво лаяла овчарка, а сторож

не показывался, должно быть, спал в будке.

– Тебе лучше остаться здесь, – шепнула я Сергею и пошла за машиной.

Появился заспанный сторож и, накрывшись курткой, стал отпирать ворота, а я с трудом выехала на дорогу, стоянка была буквально забита машинами. Убедившись, что сторож не сможет нас увидеть, я посигналила и затормозила. Из темноты вынырнул Сергей с Ромео на руках, сел рядом, а Ромео привычно устроился на заднем сиденье.

– Куда? – спросила я.

– Прямо, – засмеялся он и пояснил: – Придется заехать в одно место.

Место оказалось очень и очень странным, мы спустились к городскому парку, слева было здание кукольного театра, которое уже лет пятнадцать безуспешно реставрировали, а чуть дальше глухой забор. Туда Сергей и направился, попросив остановить машину.

Отсутствовал он минут двадцать, я уже начала волноваться и даже вышла, намереваясь его позвать, но он как раз вынырнул из темноты откуда-то слева и бегом припустился к машине.

– Высади меня возле универмага и поезжай домой, – сказал он.

– А ты? – испугалась я.

– За меня не беспокойся.

Я подумала и заявила:

– Не беспокоиться у меня не получается. Может, ты скажешь, куда хочешь попасть, и я отвезу тебя туда?

– Аня, – улыбнулся он, глядя в мои глаза, – я ведь сбежал из тюрьмы. Не хочу, чтобы у тебя были неприятности.

– Вот еще, – возмутилась я. – Тебе надо покинуть город, так ведь? А на посту ГАИ могут остановить, ночью часто останавливают.

Он хотел что-то возразить, но я уже не слушала.

Из города мы благополучно выбрались, миновали поселок Первомайский и оказались на шоссе республиканского значения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.